

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XX.

амосская Клію вѣроятно обладала чудеснымъ свойствомъ удалять отъ себя политику на весьма приличное разстояніе, такъ какъ вокругъ ея миниатюрной фигурки немедленно создавалась другая атмосфера, ничего общаго не имѣвшая съ проектами раздѣла турецкаго имущества.

Но чтобы сценка, которая сейчасъ будетъ иллюстрирована, не вызвала сомнѣнія у читателя, я добавляю сюда для характеристики эллинской женщины еще нѣсколько словъ, отвѣчающихъ правдѣ и дѣйствительности. По уровню умственнаго развитія, міровозрѣніямъ и привычкамъ жизни она ушла совсѣмъ не далеко отъ мусульманки. Разница между ними лишь та, что гречанка ходитъ по улицамъ съ открытымъ лицомъ, не кутается въ безобразное фередже, имѣетъ право разговаривать съ мужчиной у себя въ домѣ или у знакомыхъ; но внѣ стѣнъ жилища свобода ея также ограничена нравами Востока. За исключеніемъ пріѣзжихъ иностранцевъ даже европейцы соблюдаютъ обычай, требующій раздѣленія половъ на улицахъ и вездѣ въ публичныхъ мѣстахъ, благодаря чему влюбленные парочки лишаются такимъ образомъ удовольствія „нечаянныхъ“ встрѣчъ и прогулокъ вдвоемъ.

Таковы условія быта въ жизни гречанки. Что же касается ея образовательнаго ценза въ общемъ значеніи этого понятія, то здѣсь

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1912 г.

она еще ближе къ своей турецкой сестрѣ, а потому неудивительно, что хіосскія островитянки не имѣли никакого представленія объ историческомъ эпизодѣ съ Поликратомъ Самосскимъ.

Итакъ, я возвращаюсь опять къ разсказу.

— Ахъ, какой интересный и необычайный случай!—задыхаясь отъ волненія, говорили дамы, окружавшія княгиню:—а что, если бы выписать изъ Марсея хорошаго водолаза и поручить ему обшарить берега Самоса?...

Но свѣтлѣйшая клялась, что Поликратъ всего только одинъ разъ бросилъ кольцо въ море, да и то получилъ его обратно.

— Нѣтъ! нѣтъ, кирія Клію, фактъ этотъ едва-ли доказанъ, и по всѣмъ даннымъ вы ошибаетесь,—убѣжденно возражали ей, уже не стѣсняясь границами фантазіи:—кто съ достовѣрностью скажетъ намъ, что онъ не набросалъ туда много и другихъ вещей?..

— Вѣроятно господинъ Поликратъ очень любилъ рыбъ и потому кормилъ ихъ брильянтами — счастливыя!.. прибавила хорошенькая Катина Ралли съ личикомъ куклы, по выраженію котораго легко было опредѣлить степень ея ума.

— Ну, конечно,—подхватили остальные:—отъ сумасброда и не то станется! Однако, не всѣ же рыбы глотали кольца и попадали на обѣдъ: что-нибудь да осталось на днѣ? Непремѣнно и прежде всего надо пригласить водолаза...

— *Tiens! mesdames*, въ чемъ дѣло? водолазъ! *sapristi*, обойдемся безъ него—для васъ въ огонь и воду; бѣгу, ныряю, наполняю карманы драгоценностями и украшаю ими ваши нѣжные, сладкіе какъ рахатъ-лукумъ пальчики, *vingt dieux!*

Залпъ хохота былъ отвѣтомъ всегда неистощимому въ островахъ Хіосскому Донъ-Жуану:

— Ай, какая хитрая штука эта Клію!—шептались за ея спиной:—откуда ей извѣстно, что Поликратъ не каждый день забавлялся такимъ образомъ, просто боится, чтобы намъ не достались его сокровища!

Катина права: вѣроятно онъ, дѣйствительно, кормилъ своихъ рыбъ драгоценными камнями, а иначе зачѣмъ писали бы о томъ въ книгахъ—она же сама увѣряетъ, что читала...

Насталъ конецъ банкету. Самосскіе повелители собрались въ путь, и отдано было распоряженіе причалить ближе къ набережной ихъ собственную яхту.

— Душечка!—позвалъ князь супругу:—надѣюсь, ты уже пригласила *mademoiselle Eugénie* погостить у насъ? Не все же только Хіосу любоваться вами,—дѣлая жестъ въ мою сторону, продолжалъ

онъ:—позвольте также и Самосу хотя взглянуть на прекрасный цвѣтокъ далекаго сѣвера...

— Который, тѣмъ не менѣе, великолѣпно цвѣтетъ и подъ нашимъ горячимъ небомъ!—улыбаясь, перебилъ консуль.

— Bravo! bravo! сказано хорошо—одобряю!—похвалилъ Карава, а чувствительная жена Мильтиади прижала меня къ своему сердцу и горестно вздохнула.

— Oh, ma belle gusse,—залепетала самосская Клію:—жду васъ къ себѣ на-дняхъ и пришлю за вами яхту. Вы пріѣдете ко мнѣ въ національномъ костюмѣ—не правда ли? Я сниму съ него фасончикъ и пушу въ моду—это будетъ восхитительно! Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ я прочла недавно преинтересное описаніе Россіи—какіе тамъ страшные медвѣди, а какъ холодно!—поежилась она, точно и въ самомъ дѣлѣ прикоснулась ко льду.

Затѣмъ всѣ стали расходиться по домамъ, а мы съ дядей отправились также съ компаніей, провожавшей княжескую чету до набережной, чтобы оттуда переѣхать въ лодкѣ къ нашему агентству.

Душный, яркій день угасалъ въ розовыхъ лучахъ вечерней зари: огненный шаръ солнца уже погружался за вершины мало азіатскаго кряжа, а у подножія его ложились туманныя вуали.

Шуршали волны, бросаясь на песокъ и оставляя на немъ красивые разноцвѣтные *fruti del mare*. На всемъ протяженіи береговой полосы еще раздавался шумъ праздника въ честь Мурада V, побѣдившаго „Московскаго орла, залетѣвшаго не въ свои хоромы“¹⁾—такъ озаглавлено было самое популярное тогда стихотвореніе на греческомъ языкѣ, и его распѣвали вездѣ на улицахъ.

Отважные, пылкіе сыны Эллады, размахивая флагами въ побѣдоносномъ азартѣ, безопасно, какъ птицы, носились по всему водному пространству между островами и материкомъ въ легкокрылыхъ, парусныхъ шлюпкахъ. Толпа гулявшихъ отвѣчала имъ ружейными залпами, криками *vivat*, а бродячіе оркестры итальянцевъ играли нѣжныя серенады, лаская воздухъ звуками гитаръ и мандолинъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани у цитадели, качался на якоряхъ довольно мизернаго вида деревянный парходикъ съ надписью огромными золотыми буквами по кормѣ: „Prince de Samos“.

Это и была княжеская яхта. На сходняхъ трапа, опущеннаго къ водѣ, стояли при полномъ вооруженіи, даже съ примкнутыми штыками къ ружьямъ два тѣлохранителя изъ конвоя его свѣтлости.

¹⁾ Въ подлинникѣ: „въ чужой конакъ“.

За исключеніемъ красныхъ фесокъ, обмундированіе ихъ ни въ чемъ не соотвѣтствовало общепринятой формѣ для оттоманскихъ солдатъ, напоминая собой что-то опереточное.

— Какіе нелѣпые мундиры на Самосскихъ гвардейцахъ и какъ эти фалдочки, бантики, воротнички не гармонируютъ съ турецкими фесками,—сказала я нашему спутнику, синьору Паскуа.

— Автономія и собственная армія!—разсмѣялся онъ:—тѣмъ болѣе, что по части фасоновъ прекрасная Клію спеціалистъ!...

— Но, однако, сколько же тамъ войска?—спрашивала я.

— Кажется, 15 или 20 нижнихъ чиновъ, да 3 офицера!—былъ отвѣтъ.

Наконецъ, княжеская чета, окруженная свитой фрейлинъ, перѣѣхала въ каякъ на яхту. Въ тотъ же моментъ солнце блеснуло своимъ послѣднимъ лучомъ надъ землей и утонуло за Тавромъ, а южная ночь, не давая сумерекъ, зажгла яркія звѣзды по всему небосклону.

Г л а в а ХХІ.

Дѣйствительно, надежда моя оправдалась, и я получила письмо, переданное въ гаремъ Кіамиль-паши изъ Чесмы, куда оно попало совершенно случайно караваннымъ путемъ. Но, Боже мой, какимъ невѣроятнымъ хаосомъ чувствъ и мыслей дорогая вѣсточка наполнила меня: прелестный мой другъ, повторяя горячія слова любви увѣдомлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что раздѣлъ имущества и продажа земли требовали его присутствія въ Чифликѣ еще на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, мечта была разрушена, и все опять уходило отъ меня въ потемки.

— Элиме, дорогая Элиме,—припадая къ ней на грудь, шептала я, заливаясь горькими слезами:—вамъ все извѣстно, скажите хоть одно слово утѣшенія: когда онъ пріѣдетъ? Боже Милосердный, сжался надо мной!...

— А вы какому богу молитесь: нашему Аллаху, который создалъ всѣхъ, или вашему?—спросила она, зѣвая и, кажется, скорѣй можно было расшевелить камень, чѣмъ ее.

— Да, что вы говорите, Элиме!—возразила я съ негодованіемъ:—развѣ мы язычники? у васъ и у насъ Богъ одинъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ,—перебила турчанка, воодушевляясь:—оставьте Аллаха въ покоѣ—вы, франки, всѣ безъ исключенія, такъ ему надоѣли, такъ надоѣли, что онъ даже обѣщаль погасить солнце надъ вашей землей... А! смѣтесъ?—вспыхнула она, за-

нѣтивъ невольную улыбку на моихъ губахъ:—тогда пусть сама ханумъ скажетъ вамъ, что говорилъ святой дервишъ, когда мы ходили къ нему въ текке ¹⁾ за благословеніемъ?! А онъ все знаетъ:—Пророкъ открываетъ ему тайны міра...

Въ комнату, гдѣ мы сидѣли, вошла губернаторша; Базя и Лазя также явились, и мы стали обмѣниваться селямами.

— Въ чемъ дѣло, и почему у франки глаза красные?—сгорая отъ любопытства, спрашивали онѣ мою собесѣдницу, которая охотно давала имъ за меня реплики, хотя къ тому времени я уже хорошо понимала турецкій языкъ, а потому съ нѣкоторымъ досаднымъ удивленіемъ слушала вольный переводъ своей рѣчи въ редакціонной обработкѣ этой дѣвицы, никогда не знавшей, гдѣ находились границы ея дикой фантазіи.

— Такъ вотъ оно что!—говорили между собой женщины:—значить, онъ написалъ ей дерзкое письмо? Ну, конечно, она скоро умретъ—смотрите, смотрите: на лицѣ у нея большая печаль!...

— Ахъ, зачѣмъ умирать!—возразила добродушная Ашима:—мы лучше постараемся въ ея пользу: она будетъ намъ благодарна, а у Тафти денегъ много...

— Развѣ и тебѣ франка обѣщала что-нибудь?—спросила толстая Базя:—ой, какая жадная, а мнѣ ничего!...

Элиме что-то сказала на это по-арабски, и турчанки замѣтно смутились; но я оставалась совершенно безучастна, думая только о томъ, какъ бы уйти поскорѣй изъ гарема, чтобы отправиться въ крѣпость къ Хассанъ-эфенди, вполюбъ увѣренная получить тамъ дѣльный совѣтъ и утѣшеніе.

— Нѣтъ! нѣтъ!—заволновались гостепріимныя хозяйки, когда я хотѣла проститься съ ними:—какъ можно! мы сейчасъ будемъ обѣдать—у насъ сегодня кѣбабъ съ изюмомъ и мишвиè ²⁾...

— Сердечно благодарю васъ, но никакъ не могу,—въ рѣшительномъ тонѣ отвѣтила я, надѣвая шляпу:—тѣмъ болѣе, что у меня все равно нѣтъ аппетита, такъ какъ мнѣ очень нездоровится сейчасъ...

— Бѣдная дѣвушка!—прошептала за моей спиной застѣнчивая Лазя:—она, вѣроятно, скоро умретъ: сама же говорить, что уже ничего не ѣстъ...

— Ахъ, эти мужчины!... вздохнула Базя.

¹⁾ Монастырь дервишей.

²⁾ Любимое арабское блюдо: рубленое мясо, поджаренное вмѣстѣ съ толченымъ пшеномъ.

Наконецъ, послѣ долгой церемоніи прощальныхъ селямовъ меня отпустили, и я сошла внизъ. Тамъ, на площадкѣ у входа въ конакъ встрѣтился мнѣ Ибрагимъ; но другіе солдаты изъ дворцовой стражи тотчасъ же затѣяли съ нимъ ссору, обличая его въ эгоизмъ, въ жадности и требуя, чтобы онъ уступилъ имъ свою привилегію провожать меня. Но такъ какъ нельзя же было снять весь караулъ и увести за собой, то съ разрѣшенія дежурнаго адъютанта, я раздала нѣсколько серебряныхъ монетъ этимъ несчастнымъ голоднымъ людямъ, не получавшимъ долгими промежутками времени жалованья отъ казны, а затѣмъ ушла съ Ибрагимомъ.

Домикъ, въ которомъ жилъ Хассанъ-эфенди, поражалъ съ перваго взгляда убожествомъ своего вида, напоминая скорѣй простую хижину поселенина, чѣмъ квартиру начальника крѣпостной артиллеріи: плоская крыша, прикрытая дранками, стѣны, обмазанныя глиной, по фасаду два небольшихъ оконца за деревянными рѣшетками и узкое отверстіе для входа съ улицы; но если бы прохожій заглянулъ въ открытыя двери этой мизерной лачуги, то увидѣлъ бы квадратный дворъ, обнесенный каменной оградой, сложенной изъ песчаника, а тамъ въ глубинѣ его подъ тѣнью фруктовыхъ деревьевъ еще и другія постройки. Здѣсь надо непременно объяснить читателю, не бывавшему въ мусульманскихъ странахъ, что внѣшняя сторона турецкаго жилища еще не знакомитъ наблюдателя съ внутреннимъ его содержаніемъ и не даетъ опредѣленнаго мнѣнія о богатствѣ или бѣдности хозяина дома. Восточные народы охотно берутъ у Европы комфортъ, обстановку, моды, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ совершенную противоположность нашимъ вкусамъ и привычкамъ жить больше напоказъ, они чрезвычайно ревниво охраняютъ свой домашній очагъ и повседневный бытъ отъ любопытнаго взгляда иностранца.

Хассанъ-эфенди весьма часто нуждался въ кускѣ хлѣба для семьи, и мнѣ же нерѣдко приходилось выручать его изъ бѣды, а тѣмъ не менѣе у него было все, чего требовали обычай и нравы Ислама: домъ, раздѣленный на двѣ самостоятельныя части—селямликъ и гаремъ; жена, правда, что въ единственномъ числѣ за неимѣніемъ средствъ, но за то еще три наложницы-рабыни и, наконецъ, евнухъ, исполнявшій также обязанности слуги на мужской половинѣ, а затѣмъ многочисленное потомство отъ всѣхъ четырехъ женщинъ.

Бѣдный другъ мой съ отчаянными усиліями бился, какъ рыба объ ледъ, чтобы прокормить столько ртовъ, но измѣнить хотя что-нибудь въ обиходѣ своей домашней обстановки онъ не могъ, даже не имѣлъ права и вотъ подъ давленіемъ какихъ причинъ.

Прежде всего не надо забывать, что у послѣдователей Ислама совершенно другія формы жизни, чѣмъ у насъ, другіе идеалы, міровоззрѣнія, воспитанные на догматахъ религіи, опредѣляющей все бытіе мусульманина здѣсь и за гробомъ. Коранъ управляетъ также и его семьей, подчиняя весь ея строй цѣлому ряду постановленій и правилъ нерѣдко даже слишкомъ интимнаго характера и удивительной съ нашей точки зрѣнія откровенности. Однако, чего нельзя не отмѣтить для тѣхъ, кто не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія о принципахъ Ислама, такъ это слѣдующее.

Общепринятое сужденіе о томъ, что ученіе Пророка лишаетъ женщину всякихъ человѣческихъ правъ, ошибочно и неосновательно, правда, что по всему Корану тянется красною нитью безусловное презрѣніе къ ней, но въ то же время законодатель обезпечиваетъ за мусульманкой въ домѣ мужа такія привилегіи, какими въ большинствѣ не пользуются европейскія дамы. Хотя бы, наприкладъ, не завидно ли это: Магометъ обязываетъ правовѣрнаго нѣжно и мягко обращаться съ женой, не раздражать ее и заботиться, чтобы она всегда находилась въ пріятномъ расположеніи духа. Затѣмъ, предписываетъ ему къ точному соблюденію не обременять законную супругу мелочами домашняго хозяйства и держать при ея особѣ, а если ихъ нѣсколько, то для каждой въ отдѣльности, по установленному также правилу, извѣстный штатъ служанокъ или рабынь.

Отсюда, пожалуй, и правоученіе для нашихъ мужей, такъ какъ мнѣ кажется, что они совершенно напрасно питаютъ завистливыя чувства къ своимъ мусульманскимъ „коллегамъ“.

Но не странно ли то, о чемъ я сейчасъ рассказала, и не затемняетъ ли это идею Магомета? Нѣтъ, здѣсь не слѣдуетъ искать противорѣчія, и мысль его вполне ясна: презирая дѣйствительно жену до отрицанія въ ней живой души, онъ только предписываетъ заботиться о ея матеріальномъ благополучіи, о здоровьѣ, чтобы она сохраняла такимъ образомъ свѣжесть и обаяніе красоты въ глазахъ мужа и рекомендуетъ послѣднему беречь ее, какъ временную утѣху въ земной жизни; но онъ не обѣщаетъ ей ничего за гробомъ, называетъ даже нечистой, и не пускаетъ въ свой рай, населенный для вѣчнаго блаженства правовѣрныхъ существами болѣе утонченной организаціи, свѣтлыми гуріями.

Кромѣ всего уже сказаннаго еще и служебное положеніе Хасанъ-эфенди заставляло его жить по опредѣленному масштабу, въ силу котораго вездѣ и въ каждой странѣ начальствующее лицо несетъ тяготу лишнихъ расходовъ. Вотъ почему финансы моего несчастнаго друга были въ такомъ плачевномъ состояніи.

Ибрагимъ постучалъ деревяннымъ кольцомъ, придѣланнымъ къ одной изъ половинокъ дверей вмѣсто звонка, и тотчасъ же вышелъ ко мнѣ навстрѣчу съ восклицаніями привѣтствій самъ Хассанъ-эфенди:

— Драгоценная жемчужина моей души, благоуханіе райскихъ цвѣтовъ!—говорилъ онъ съ порывомъ искренняго чувства, украшая свою рѣчь по обычаямъ турецкой вѣжливости красивыми оборотами сравненій:—освѣти лучомъ твоего благородства наше бѣдное существованіе, и пусть тѣнь всѣхъ твоихъ великихъ достоинствъ ляжетъ на эти стѣны

— Эфенди, выслушайте меня и помогите добрымъ совѣтомъ!—перебила я, сгорая отъ нетерпѣнія сообщить ему объ инцидентѣ съ Мавробіязи.

— Алмазъ мой прекрасный, сіяющій въ коронѣ утренней зори—вся глубина сердца Хассана у вашихъ ногъ!—воскликнулъ онъ, касаясь моей руки и цѣлуя послѣ того собственную ладонь въ знакъ исключительнаго вниманія ко мнѣ:—тогда пожалуйста въ гаремъ, чтобы обитатели его могли созерцать всѣ добродѣтели, а уши ихъ воспринимать перлы „великой мудрости“.

— О, нѣтъ, эфенди,—возразила я, еле удерживаясь отъ смѣха:—мнѣ бы не хотѣлось этого! Нельзя ли поговорить съ вами очень секретно и непременно здѣсь?

Добрый старикъ растерянно оглянулся какъ бы застигнутый врасплохъ, съ минуту потоптался на мѣстѣ и вдругъ, неизвѣстно для чего, раздвинулъ, а затѣмъ опять сдвинулъ деревянную рѣшетку въ окнѣ.

Комната, гдѣ мы находились, составляла мужскую половину дома: здѣсь хозяинъ спалъ ночью, а днемъ принималъ своихъ гостей. Вся меблировка этого помѣщенія была слишкомъ даже неприхотливаго требованія: два широкихъ, низкихъ дивана безъ ножекъ вдоль стѣнъ, коверъ сомнительнаго достоинства, нѣсколько маленькихъ столиковъ по угламъ и больше ничего.

Впрочемъ слѣдуетъ добавить еще для яснаго изображенія привычекъ Ислама, что упрощенный до минимума стиль обстановки, уже мною описанный выше, господствуетъ только въ селямликахъ у мусульманъ, хотя и съ нѣкоторыми варьянтами въ пользу богатыхъ или бѣдныхъ; но гарему по указаніямъ Шаріата¹⁾ охотно разрѣшаютъ и роскошь убранства и затѣи европейскаго комфорта. Это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ характеру націи, въ идеяхъ которой интимная сторона жизни каждаго человѣка должна быть

¹⁾ Сводъ законовъ духовныхъ и гражданскихъ.

скрыта въ тайникахъ его дома отъ всякихъ наблюденій изъ внѣшняго міра.

— Сюда могутъ зайти мужчины съ улицы, — еле уловимымъ шопотомъ отвѣтилъ, наконецъ, мой амфітріонъ и вдругъ залился горькими слезами.

Тогда я спохватилась и прочла у него на лицѣ всю драму его психологіи, которая въ данномъ случаѣ резюмируется такъ. Гостепріимство, завѣщанное Исламу Магометомъ, составляетъ одну изъ высочайшихъ добродѣтелей въ жизни мусульманъ. Одна изъ заповѣдей Корана гласитъ: „переступившій порогъ твоего жилища несетъ тебѣ даръ небесъ, пусть даже это будетъ врагъ твой“, а потому сказать правовѣрному, что онъ не съ должнымъ благоговѣніемъ принялъ своего гостя, значило бы нанести ему жестокое оскорбленіе.

Хассанъ-эфенди, человѣкъ старыхъ традицій, держался культа древняго обычая съ пламеннымъ фанатизмомъ убѣжденнаго исламита, считая нарушеніе правилъ гостепріимства тяжкимъ преступленіемъ, и вотъ на этой для него священной почвѣ возникъ инцидентъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что строгость турецкихъ нравовъ не допускаетъ присутствія женщины въ селямликѣ, куда я попала только благодаря оплошности Ибрагима, наивно вѣрившаго, что для иностранцевъ законы не пишутся.

Однако, если читатель вспомнить, Хассанъ-эфенди, минуя фактъ, даже благословилъ мою тѣнь, якобы отразившуюся на стѣнахъ его комнаты, а затѣмъ уже пригласилъ въ гаремъ. Слѣдовательно, трагизмъ положенія заключался не здѣсь. Но такъ какъ анализъ мудреныхъ изгибовъ человѣческой души не всегда поддается перу автора, въ чемъ откровенно сознаюсь, то пусть лучше самъ герой этой сценки откроетъ намъ источникъ бурнаго смятенія и растерянности, захватившихъ его въ тотъ моментъ, когда я выразила желаніе остаться съ нимъ еще нѣкоторое время наединѣ для интимной бесѣды.

— Аллахъ никогда не проститъ мнѣ ослушанія его святой заповѣди!—горестно восклицалъ мой собесѣдникъ, смахивая рукавомъ потоки слезъ и занкаясь на каждомъ словѣ: — „О, великолѣпный сосудъ, наполненный до верху сладчайшимъ медомъ, золотое дно „учености“ и благородства ¹⁾! Камень грѣха всегда будетъ лежать у меня на сердцѣ за то, что я не подчинилъ себя твоей волѣ,

¹⁾ Любимые комплименты у турокъ.

твоему распоряженію и оскорбилъ, такимъ образомъ, священный даръ небесъ, переступившій порогъ моего дома!..

Я прямо была ошеломлена такимъ непредвидѣннымъ оборотомъ дѣла, и возраженія ускользали отъ меня: да могло ли кому прійти на умъ, что принципы гостепрѣимства требовали непосильныхъ жертвъ, а нарушеніе ихъ вызывало чуть ли не катастрофу?

— У иныхъ людей языкъ длиннѣе, чѣмъ у собаки,—продолжалъ, сокрушаясь, злополучный хозяинъ:—именно такъ, мой серебряный ленестокъ лиліи, занесенный вѣтеркомъ на грѣшную землю изъ райскихъ садовъ ¹⁾...

Но такъ или иначе, а надо было во что бы то ни стало придумать маневръ, лишь бы овладѣть позиціей, на которой держался фанатикъ идеи, вооруженный аргументами буквы Корана.

— Даже не понимаю, изъ-за чего вы такъ волнуетесь сейчасъ?!— въ дѣланномъ тонѣ крайняго изумленія спрашивала я:—прежде всего каждому хорошо извѣстно, что по законному праву гостепрѣимства честь и достоинство гостя охраняются хозяиномъ дома, который отвѣчаетъ за все. Я пришла въ комнату мужчины только по недоразумѣнію; но вашъ долгъ состоитъ въ томъ, чтобы предупредить всѣми зависящими средствами толки и сплетни въ обществѣ, а иначе скажутъ: вотъ Хассанъ-эфенди нарушилъ завѣтъ пророка...

— Да направитъ Аллахъ путь твоей жизни въ убѣжище радости и свѣта!—перебилъ старикъ, не давая мнѣ говорить дальше, такъ какъ послѣдній доводъ оказался самымъ убѣдительнымъ:—въ этой головкѣ мудрость родилась прежде, чѣмъ выросли на ней волосы! Шейхъ-уль-Исламъ не объяснилъ бы лучше!—разсуждалъ онъ, прикасаясь весьма осторожно рукой къ широкимъ полямъ моей шляпы и съ полнѣйшимъ восхищеніемъ цѣлуя затѣмъ свою же ладонь.

— Эфенди!—напомнила я:—проводите меня къ вашей женѣ...

— Пожалуйте, пожалуйста!—отвѣтилъ Хассанъ, торопливо распахивая секретныя двери къ выходу во дворъ, соединявшей мужскую половину съ женской, и тихо добавилъ:—не омрачайте блеска своего духа, лишнія уши будутъ закрыты, а перлы вашего краснорѣчія и алмазы вашей тайны останутся навсегда въ моемъ сердцѣ.

Г л а в а ' XXII.

Дворъ, куда мы вошли, представлялъ собою квадратъ, замощенный битымъ кирпичемъ и съ водоемомъ въ центрѣ. Гаремъ, деревянное зданіе въ два этажа, выкрашенное голубой краской, находился

¹⁾ Метафора, очень часто употребляемая въ разговорной рѣчи.

въ сторонѣ отъ домика, гдѣ помѣщался глава семьи; вдоль каменной изгороди, окружавшей усадьбу, лѣпились еще хозяйственныя постройки изъ глины, дощечекъ и дранокъ, вмѣсто крышъ прикрытыя негодными циновками; громадныя кактусы и столѣтники бросали тѣнь надъ очагомъ, у котораго обыкновенно стряпаютъ, моютъ бѣлье, работаютъ, а въ жаркіе часы дня отдыхаютъ—вотъ несомнѣнно точная копія жилища турка средняго достатка: у зажиточныхъ людей, конечно, все это лучше и наряднѣе обставлено; но характеръ внутренняго расположенія дома одинъ и тотъ же.

Дѣти съ оглушительнымъ визгомъ кинулись мнѣ навстрѣчу. Ихъ черныя, азіатскіе глазки впивались, какъ стрѣлы, въ мои руки—болѣе отважныя даже полѣзли ко мнѣ въ карманъ; но когда и тамъ не оказалось соблазнительныхъ пакетиковъ, то разочарованію не было границъ. Одинъ шалунъ въ пылу негодованія крикнулъ по моему адресу: „дели гечи“—дурная овца, и мнѣ же ироніей судьбы пришлось спасти его отъ родительской палки.

Рабыни, молодыя черкешенки, тонкія, стройныя въ типѣ Лермонтовской Бэлы цѣловали на-лету концы моей вуали, оборочки платья, рукава, зонтикъ и, конечно, предпочли бы коснуться губами запыленного подола юбки, чѣмъ лица или рукъ невѣрной франки: „она хорошая, добрая,—такъ и читалось въ ихъ лукавой усмѣшкѣ:—а все-таки Аллахъ не любитъ гяуровъ“.

Ханумъ-Мабуле, хозяйка дома, послѣ обмѣна между нами традиціоннаго селяма, усадила меня на грудь подушекъ и стала занимать пріятными разговорами на тему о моихъ необычайныхъ качествахъ души, высокыхъ добродѣтеляхъ, премудрости и другихъ совершенствахъ, чего, къ моему огорченію, никто не признавалъ за мной въ такомъ необъятномъ масштабѣ кромѣ Хассанъ-эфенди и его супруги.

Затѣмъ послѣдовала церемонія угощенія шербетомъ и кофе. Невольницы также расположились группой вокругъ меня, съ жаднымъ любопытствомъ осматривая каждую складочку, пуговку, ленточку и каждую мелочь въ моемъ нарядѣ.

Замѣчательная особенность въ турецкомъ нарѣчій: когда говорятъ между собой мужчины, то выходитъ какъ-то грубо, слишкомъ отрывисто для европейскаго уха. Зато интересно послушать турчанокъ въ интимной обстановкѣ: онѣ точно поютъ, и рѣчь ихъ звучитъ очень красиво. Это объясняется умѣньемъ тонировать, растягивая гласныя тамъ, гдѣ обыкновенно онѣ заглушаются шипящимъ или гортаннымъ произношеніемъ, а также манерой смягчать твердыя ударенія на буквахъ. Напримѣръ, „звѣзда“: мужчина рѣзко отрубитъ „ылдызъ“, а женщина нѣжно протянетъ „ылди...зъ“; или же

привѣтствія „сабахларымызъ, Аллаха ысмарладыкъ“! Каждый со стороны подумаетъ, что люди вотъ-вотъ начнутъ лупить другъ друга; но турчанку вы сразу поймете. Много еще значить при этомъ ея выразительная мимика и плавная, граціозная жестикуляція.

Хассанъ-эфенди, видимо совершенно успокоенный и облегченный отъ тяжести угрызений совѣсти, потребовалъ наргиле и удалился отъ нашей компаніи въ другой конецъ двора, такъ какъ по установленному этикету древняго обычая глава семьи въ присутствіи гостей-иностранокъ не разговариваетъ съ женщинами своего гарема.

Съ тоскливымъ нетерпѣніемъ я все оглядывалась, стараясь привлечь его вниманіе, въ то время какъ турчанки, не замѣчая моего печальнаго, унылаго вида, развлекали меня такимъ чудовищнымъ вздоромъ, да еще не ограниченнымъ никакими предѣлами яркой фантазіи, что повторять его прямо не рѣшаюсь.

Наконецъ, желанная минута наступила; но какъ это случилось, я не знала и даже не уловила мгновенія, на протяженіи котораго и толстая Мабуле и худыя черкешенки вдругъ, какъ фантомы передъ лучомъ солнца, исчезли и растаяли на глазахъ...

— Итакъ, мой алмазь, вашъ другъ Хассанъ ждетъ драгоценныхъ рѣчей своей благодѣтельницы,—сказалъ онъ, приближаясь ко мнѣ.

Тогда я откровенно, не стѣсняясь, передала ему рѣшительно все, что мучительнымъ трепетомъ уничтожало меня.

— Развѣ Тафти не знаетъ о вашемъ путешествіи въ Египетъ?—спросилъ онъ, и по лицу его скользнуло глубокое изумленіе:—Нѣтъ? ахъ, какъ не хорошо!..

— О, Боже мой, Боже мой, что теперь дѣлать?—заливаясь горькими слезами, говорила я:—къ несчастію, онъ самъ лишилъ меня возможности писать ему на томъ основаніи, что мѣстность, гдѣ находится его чифликъ, слишкомъ удалена отъ почтоваго тракта къ берегу, а караваннымъ путемъ, вѣроятно, также нельзя?..

— Дитя мое дорогое, не плачьте, не терзайте бѣднаго сердца преданнаго вамъ до гроба старика Хассана—простымъ языкомъ безъ вычурныхъ прикрасъ восточнаго стіля заговорилъ онъ:—прежде всего надѣйтесь и вѣрьте, что написанное въ книгѣ судебъ исполнится по неизмѣнной волѣ Создателя...

— О, нѣтъ!—перебила я съ живостью, чтобы оставить дальнѣйшее теченіе потока его краснорѣчія:—предопредѣленіе—великая истина, пусть будетъ такъ; но мы, христіане, подчиняемся еще и обстоятельствамъ...

— Вотъ это и плохо и очень даже!—горестно воскликнулъ онъ:—судьба рѣшаетъ всѣ вопросы и опредѣляетъ всѣ явленія въ жизни человѣка...

Тогда мнѣ пришла идея воспользоваться услугами магометанскаго „кэсмета“ и уговорить этого, дѣйствительно нелицемѣрно преданнаго мнѣ друга отправить съ нарочнымъ изъ подчиненныхъ ему солдатъ мое письмо къ Тафти, и когда я объяснила ему, въ чемъ заключалось дѣло, то онъ съ величайшей радостью взялся устроить придуманную мною комбинацію.

— Вполнѣ согласенъ—здѣсь именно кэсметъ!—убѣжденно повторялъ онъ мои же доводы:—а иначе такая мысль безъ участія воли судьбы могла ли родиться сама по себѣ? Нѣтъ! она была записана еще раньше начала вѣковъ въ святой книгѣ Предопредѣленія, которое и направило шаги ваши ко мнѣ!..

Добродушный, довѣрчивый, какъ ребенокъ, онъ даже не замѣтилъ, что попался на удочку, и немедленно занялся обсужденіемъ проекта экспедиціи въ глубь Малой Азіи—я, конечно, подсказала Ибрагима, надѣясь имѣть съ нимъ въ тотъ же вечеръ отдѣльный разговоръ.

Уже ночь ложилась на землю, украшая далекія небеса мириадами звѣздъ и обѣщая съ минуты на минуту зажечь яркую лампаду надъ горизонтомъ, чтобы освѣтить мой извилистый путь по темнымъ, кривымъ улицамъ турецкаго квартала. Ибрагимъ шелъ рядомъ со мной, разгоняя прикладомъ ружья стаю собакъ, бродившихъ въ поискахъ отбросовъ себѣ на ужинъ. Бѣдныя, несчастныя твари съ жалобнымъ визгомъ отбѣгали прочь, не понимая, за что ихъ били.

— Госпожа!—сказалъ Ибрагимъ, выслушавъ меня:—клянусь божественнымъ именемъ Пророка, что твое письмо будетъ въ рукахъ высокороднаго бея, и я умру на его порогѣ, если онъ не дастъ мнѣ отвѣта, чтобы порадовать твою душу.

— А вотъ и я!—сказалъ также мѣсяцъ, выглядывая изъ-за горки восточнаго кряжа и разбрасывая вокругъ снопы ярко-красныхъ лучей. Большая Медвѣдица даже поблѣднѣла отъ злости, а прелестная ея сосѣдка, блестящая Кассіопея также стала меркнуть въ ослѣпительномъ сіяніи золотого диска.

— Госпожа!—окликнулъ меня проводникъ:—смотри! смотри—звѣзды прячутся, ой, какъ онѣ боятся лампы Пророка! Но я не отвѣтила ему, зная прекрасно, что толковать съ мусульманиномъ объ астрономіи была бы вещь рискованная.

Вскорѣ мы выбрались изъ области кривыхъ переулковъ и пришли къ набережной. Здѣсь ожидала меня наша агентская лодка съ двумя гребцами у веселъ. Съ надеждой въ сердцѣ, но съ непонятнымъ предчувствіемъ какой-то бѣды, вернулась я домой, затворилась на ключъ въ своей комнатѣ, чтобы провести безсонную ночь и приготовить къ отъѣзду Ибрагима длинное посланіе, которому суждено было рѣшить главный вопросъ моей жизни.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

